
Тамара Булыгина

**ЧЕЛОВЕК НА ГРАНИЦЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ:
ЛОКАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

М. Блок ввел понятие «человеческое время», которое не поддается принципу действия астрономического времени. Это образ времени в сознании человека или в групповом сознании. Человеческое время имеет собственные единицы измерения в соответствии с внутренним ритмом, заданным сознанием. Это человеческое время носит исторический характер. Ю. М. Лотман обратил внимание на то, что культура организует себя в форме определенного пространства-времени, которая имеет свое семиотическое значение¹. Время само выступает границей в пространстве — «Время вспахано плугом», как писал О. Мандельштам. Так, временная ось определяется символами прошлого, настоящего, будущего. Однако, по мнению М. Блока, в этом историческом человеческом времени нет жесткого деления на отрезки, ибо границы между отрезками исторического времени обладают нечеткими контурами и различной тональностью. Точнее, эти временные границы представляют собой пограничные зоны.

Пограничье цивилизаций и культур существует не только в пространстве, но и во времени. Признавая многообразие форм такой универсалии, как граница, которая может носить не только социальный, национальный, конфессиональный характер, но и делить время («Граница может отделять живых от мертвых»), Лотман также обращает внимание на двусмысленность понятия границы: «С одной стороны, она разделяет, с другой — соединяет»². Эта двойственность может быть определена также в виде *перехода*. Как определял Х. Плеснер, в этом варианте граница представляет собой всего лишь виртуальный промежуток между телом и примыкающей к нему средой» и в этом смысле «является чистым переходом от одного к другому, от другого к одному».³ Именно в таком смысле и рассматривается граница времени в данной статье.

¹ Лотман Ю.М. Понятие границы // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. — С.177.

² Там же. — С. 183.

³ Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. — М., 2004. — С. 108.

В общественном сознании *прошлое* отделено от *настоящего* границей, которая превращает образ прошлого в образ «другого». Конечно, граница между прошлым и настоящим размыта, т. к. каждое мгновение настоящее превращается в прошлое, но при прохождении пограничной зоны, определяемой как «исторический переход», под влиянием совокупности социокультурных, политических, экономических факторов в коллективном сознании складывается символический образ «другого времени». В данном случае «другое» содержало двоякий смысл. Можно обозначить эту двойственность как «чужое-образец» (мемориальная история), и «чужое-плохое», т. е. то, что отрицается новой эпохой. Таким образом, проявляется двойственность границы во времени, соединяя прошлое с будущим традицией, одновременно помещая это прошлое в разряд «отжившего».

Именно этот механизм использует всякая новая власть для собственной легитимизации, для очерчивания *новых* границ *ее* времени. Это великолепно демонстрирует советская система в условиях ее становления и функционирования. Идеологи системы создавали новый образ прошлого, отбирая из предшествующих событий «нужное» для формирования нового вектора общественного сознания, составляющей которого является историческое сознание. По существу это было актом создания иного исторического времени, в котором устанавливались новые границы — «до революции», «при царском режиме» и проч.

Событийная история представляет собой конструирование цепи взаимосвязанных фактов различного уровня. В данном случае факты выступают наполнителями исторического времени, которое определяет характер событий, рассказанных историком-писателем. С другой стороны, конкретные события, восстановленные историком в виде фактов, могут стать символом — характеристикой эпохи, и тогда эти события в сознании целых поколений становятся мерилем времени. Уже в этой бинарности исторического события заложена неоднозначность свойств исторического времени как условие прерывистости времени в его исторических параметрах в отличие от иных форм темпорального измерения. Люди сами определяют границы «нового» и «старого», меняя смысловое значение конкретного события. Они же, согласно их представлениям об историческом времени и его пограничных зонах, выстраивают связи между прошедшими событиями. Разделение времен, таким образом, свойство человеческого сознания.

Примером создания новой исторической памяти стала статья В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?». По существу он очертил контуры будущей советской историографической модели, призванной сформировать массовое сознание в России. Однако большевики, придя к власти, не ограничились переделкой исторической науки. Все семиотическое простран-

ство советского общества было пронизано новыми символами, отражавшими границы нового исторического времени — от топонимики и повседневного языка до политических актов. В первую очередь, были найдены символы прошлого, которое в сознании большевистских лидеров прерывалось Октябрьской революцией. В 20-е–30-е гг. в официальном языке появляются такие понятия, как «старый режим», «царизм», «дореволюционное время», «дооктябрьский период». Здесь четко обозначена граница — Октябрьская победа большевиков. Дискретность исторического времени была заявлена в программных документах новой власти «до» и «после» революции.

Однако в 20-е годы, как свидетельствуют местные источники, образ границы времени в представлениях власти и в массовом сознании был разным. Характерно, что даже в сознании местных представителей власти, не говоря уж о рядовых жителях провинции, революция еще не сложилась в пограничную зону времени. Обыватель воспринимал конец и начало времен в образе войны. Революция как бы вписывалась в пограничье смуты — «военное время». Самые радикальные представители городов и сел южной провинции предпочитали говорить о «старом строе», «старом режиме» — «революция» если и подразумевалась, то не произносилась. Так, если в Извещении Пятигорского окружкома, датированного весной-летом 1921 г., представляющем язык местной власти, дается образ «старого времени»⁴, то в отчете управления КМВ за 1923–1924 годы используется только понятие «довоенное время»⁵. В регистрационных же списках «буржуев и паразитических элементов» по Пятигорскому округу в апреле 1920 г., которые составлялись либо самими регистрируемыми, либо председателями домовых комитетов, понятие «старый строй» встречается всего несколько раз, а вот «военное время», «до войны» — повсеместно⁶. Этот психологический нюанс восприятия границы по-своему истолковал Сталин. В беседе со слушателями Института красной профессуры и Свердловского университета в 1928 г. он проводит смысловую границу «в границе»: «в прошлом, в довоенный период, и в настоящем, в послеоктябрьский период»⁷. В данном случае в таком разделении содержится оценочное суждение о «старом» — довоенном и «новом» — послеоктябрьском.

Как уже говорилось, сама политика была пронизана символами границы между старым и новым миром. Это особенно резко

⁴ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). — Ф. 258. — Оп. 1. — Д. 189. — Л. 60.

⁵ Отчет управления КМВ за 1923 — 1924 год. — Пятигорск, 1925. — С. 16, 17.

⁶ ГАСК. — Ф. 1280. — Оп. 1. — Д. 47.

⁷ Сталин И. В. На хлебном фронте // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. — М., 1947. — С. 185.

отразилось в знаках классового деления общества на пролетариат — «гегемон» революции и строительства социалистического общества, «мелкобуржуазное» крестьянство с его двойственной природой труженика и собственника, буржуазию — «паразиты», «враги народа», интеллигенцию — подозрительный, неустойчивый в отношении к революции элемент. Новая маркировка социума распространилась и на обозначение исторического времени в индивидуальных судьбах. В частности, сам факт регистрации бывших офицеров и цензовых элементов: домовладельцев и владельцев более 100 десятин земли, является символом временной границы. Уважаемые люди в прошлой, довоенной жизни становятся «паразитами», т. е. «чужими» в пространстве настоящего.

Такова судьба 75-летнего статского советника Николая Ивановича Невского, бывшего старшего надзирателя за казенными землями в Тифлисском уезде, безбедно проживавшего в благодатном Пятигорске на собственную пенсию и на жалование, который после Гражданской войны превратился в нищего, с сентября 1919 г. не получавшего пенсию и вынужденного работать помощником бухгалтера 3-его разряда⁸. Александра Викторовна Богданович, которая до 1917 г. была состоятельной землевладелицей, владея более чем двумя тысячами десятин, и представляла местный «высший свет», в 1920 году вынуждена была содержать себя и парализованную мать уроками музыки⁹. Бывший прокурор Кавказского военно-окружного суда Александр Васильевич Владимиров на пороге своего 50-летия оказался подозрительным элементом, частью «старого мира», ненавистного новой власти. Бывший уездный воинский начальник, генерал-майор Илья Алексеевич Волонцевич, в своем преклонном возрасте — 82 года — из высокопоставленного чиновника, символизировавшего некогда государственный закон и порядок, превратился в стоявший внизу новой социальной лестницы объект государственного контроля¹⁰.

В личных судьбах людей из регистрационных списков находишь подтверждение рассуждениям П. Рикёра о дискретности исторического времени, которая связана с тем, что история «представляет собой созвездие личностей»¹¹. Иначе говоря, структурирование общего исторического времени происходит в поле множества времен, отражавших индивидуальные представления об историческом времени и его границах. Организующим началом в представлениях об историческом времени становятся, по Рикёру, узловые события, которые постепенно распространяют

⁸ Там же. — Л. 26.

⁹ Там же. — Л. 105.

¹⁰ Там же. — Л. 133, 161.

¹¹ Рикёр П. История и истина. — СПб., 2002. — С. 55.

свое влияние и придают динамику смыслу истории. Он называет эту двойственность «тайной пружинной колебания» между событийным и структурным прочтением истории¹².

Рассматривая человеческое бытование сквозь призму перехода — границы исторического времени — мы обращаемся к толкованию Ю. М. Лотманом направления исторического времени. По его мнению, это вектор-стрела, направленная от прошлого к будущему. Такое представление о человеческом времени позволяет говорить о механизме сознательного выбора, который действует в исторической среде. Именно ситуация выбора, с точки зрения семиотики, делает историю информативной, создает атмосферу культурного диалога. Историк, смотрящий назад и «снимающий» неопределенность происходящего, ибо для него происходившее когда-то стало уже происшедшим, игнорирует категорию случайного и воспринимает реализованные события прошлого как единственно возможные, т.е. неизбежные. Лотман назвал это искажением описываемого объекта¹³.

Возвращаясь к образу множественности временных границ в истории в виде «созвездий личности» Рикёра, обратимся к судьбе человека, жившего на границе времен, т.е. в переходную эпоху. Упомянутые регистрационные списки, как уже отмечалось, объединяют всех вписанных туда людей единой границей времени. Обладая в прежнем времени различным социальным статусом, разной личной судьбой, после Гражданской войны они оказались за границей нового времени в одной категории «буржуазии и паразитических элементов». Для всех них переход оказался драматическим и неожиданным. Переход через границу времени в данном случае привел к формированию резкой социальной границы между этими людьми, как «чужими», и теми, кто не попадал в обязательную регистрацию — «своими». Внутри этого списка мы различаем несколько границ, прошедших по человеческим жизням. Одна из них — имущественное положение, определяемое земельной собственностью или домовладением. В образе другой границы предстает должность, которую человек занимал в «старое время». Особой линией перехода от «прежнего» к «сегодняшнему» советскому стала военная служба в старой армии. Однако наиболее существенной для строительства личного будущего времени была информация о службе в Белой армии.

Восемь молодых, от 27 до 36 лет, казаков станицы Богорустанской Терской губернии в офицерских чинах хорунжего, подъесаула и сотника, зарегистрированные местным военкоматом¹⁴,

¹² Там же. — С. 56.

¹³ Лотман Ю. М. Изъявление Господне или азартная игра? // История и типология русской культуры. — СПб., 2003.

¹⁴ ГАСК. — Ф. 1280. — Оп. 1. — Д. 47. — Л. 13.

в апреле 1920 г. волею советской власти перешли границу своего казачьего мира в пространство нового мира. Им еще предстояло сделать свой выбор: одни ушли в банды или повстанческие отряды, другие попытались приспособиться к новой жизни, третьи — раствориться на просторах России и начать новую жизнь, ведь кинолента их судьбы еще не завершилась. Однако личная воля уже была ограничена этой самой границей — служба в Терских частях и принадлежность к «белоказачеству», которая останется с ними до последнего титра «Конец». Надо заметить, что при определении границ между прошлым и настоящим немаловажным фактором был возраст. Если у старшего поколения завершение жизненного круга совпадало с переходом к другой эпохе, то у молодых людей этот переход обрывал надежды на предсказуемое будущее. Дойдя свой жизненный путь до середины, они оказывались перед выбором, который был навязан историей.

Служба в царской армии для многих военных, зарегистрированных в Пятигорском ревкоме, у большинства совпала с участием в Первой мировой войне, которая и стала пограничем еще в военные годы. Однако содержание дискурса «война» в сознании ее участников эволюционизировало под влиянием революционных событий и политики советской власти. Большинство офицеров воевали с осознанием своего патриотического долга, ощущая себя защитниками Отечества. Таковы отставные полковники Иван Алексеевич Давыдов и Алексей Константинович Потоцкий. Первый служил в армии с 1879 г., всю войну пробыл в артиллерии и вышел в отставку по болезни при большевиках, в 1918 году. В прежней жизни они могли быть уважаемыми героями-ветеранами, которым государство обеспечило бы безбедную старость. Революция и Гражданская война стала их пограничной зоной, в которой происходит превращение героя в «царского офицера», как знак чужого, что усугубляется службой у белых. Жизнь этих людей раскололась на две части, и этот раскол материализовался в новой повседневности. Оставшись без средств, Давыдов вынужден был заниматься огородничеством. Взамен большой семьи (четверо детей) — одиночество, т. к. Гражданская война разметала родных, о которых уже год нет никаких известий из Новочеркасска¹⁵. Потоцкий, 53-х летний ветеран, служивший в Белой армии, не может даже работать, оставшись на руках жены, которая была обременена еще двумя детьми-учениками. Здесь такой же раскол семьи — старший 17-летний сын, мобилизованный в Добровольческую армию, ушел с белыми¹⁶.

¹⁵ ГАСК. ФР. 1280. — Оп. 1. — Д. 47. — Л. 17.

¹⁶ Там же. — Л. 25.

В переходные годы случай становился царем судеб, и смысл времени менялся даже при схожих обстоятельствах. Ровесники Владимир Викторович Рыжов, Владимир Васильевич Теш, Яков Яковлевич Морозов, поручики 27–28 лет, воевали в Первую мировую войну, Рыжов и Морозов были ранены и стали инвалидами. Все трое по мобилизации в 1918 г. были призваны в Добровольческую армию. Однако Рыжов был признан годным к нестроевой службе и был у белых писарем в интендантстве, что могло в будущем повлиять смягчающе на его судьбу, как и у Морозова его служба в Терском техническом отделе по квартирному довольствию. Зато Теш служил в боевых частях, и рассчитывать на будущие послабления вряд ли мог. Однако в 1920 г. эта была лишь неизвестная для молодых людей перспектива. Реальность наиболее благополучной как раз была у Теша, который, в отличие от двух бедствующих инвалидов, имел средства к существованию, зарабатывая частными техническими работами, жил с многочисленными родными, единственный полуторагодовалый сын был присмотрен неработающей женой, да и родные имели работу: отец — в кооперации, а брат в Пятигорском имении бывшем Мусина-Пушкина¹⁷. Рыжов же находился на иждивении жены, которая работала в культпросвете, на руках у них было четверо малолетних детей от 5 до 10 лет. Больше родных, которые могли бы помочь, не было¹⁸. Морозов вообще был одиноким человеком, который уже 3 года не получал известий от родителей, живших в Вологде. С приходом большевиков он потерял работу в инженерном отделе и средств к существованию не имел вообще, т. к. даже личных вещей, которые можно было бы продать, у него не было¹⁹.

Подпоручик Николай Константинович Петров и прапорщик Андрей Андреевич Мельницкий — тоже ровесники, которым уже за 40 лет, тоже участники мировой войны. Однако если для Мельницкого «благодаря» болезни, которая освобождала его от мобилизации, в биографии отсутствовала граница, обозначенной службой в белогвардейских войсках, то у Петрова — это главное пятно прошлого. Это даже в 1920 г. сказалось на разнице их положений. Петров зарабатывал частными техническими работами, а Мельницкий служил в городском продовольственном подотделе²⁰.

Вторая большая группа, подвергнутых регистрации — «цензовые», как говорили до войны, слои, или, на советском языке, — «буржуазия».

¹⁷ ГАСК. ФР. 1280 — Оп. 1. — Д. 47. — Л. 83.

¹⁸ Там же. — Л. 106.

¹⁹ Там же. — Л. 86.

²⁰ Там же. — Л. 83, 90.

При всем многообразии человеческих судеб и границ в них, всех в данном случае объединяет одно — чуждое по отношению к новой политической системе социальное положение.

Возвращаясь к идеям Ю. М. Лотмана, подытожим сказанное. Историческое время асимметрично, необратимо, а историк, вглядываясь в историческое время ретроспективно, видит только результат исторического действия, а не его механизм. Структура реального исторического времени состоит из плотного сплетения желаний и ожиданий, чувств и эмоций, рассуждений и проектов, случайностей и неожиданностей, окружающего видимое нам из прошлого свершенное событие. Именно этот механизм позволил отечественным ученым в 60-е–80-е годы XX века обратиться к теме исторических альтернатив.